

«Старая песенка — новый звук» — пророчески написал когда-то еще молодой Михаил Анчаров. Без него невозможно представить себе «поющих шестидесятых». Шумная волна неслыханной популярности авторской песни миновала, уступив место другим модным увлечениям, миновала, оставив несколько имен, в числе которых имя Анчарова.

опоздания. Тем большим было наше удивление, когда прибыв в Московский вокзал (а пеший путь к нему оказался нелегким, так как Анчаров, пришедший в состояние полной эйфории, почему-то засовывал свою только что купленную в Питере кепку в каждую из встречных урн, и приходилось подолгу ее оттуда извлекать), мы неожиданно установили, что давно ушла не только «Стрела», но и вообще все поезда на Москву.

Поскольку Михаил упорно настаивал на немедленном отъезде, всей компании пришлось перебраться на Витебский вокзал, откуда около трех часов ночи от-

кликнулась: «А в поезде, милко! К Твери подъезжаем». «А товарищи мои где?». «Известно где — погрузили тебя и ушли, а чемоданчик твой — вот он. И кепочка твоя цела, так что не сумлевайся».

В последующие годы Михаилу Анчарову как будто удалось добиться литературного признания. Одна за другой были напечатаны и «Теория невероятности», и последовавшие за ней другие повести. Он стал модным писателем. Ему начали наперебой заказывать сценарии телефильмов.

Инсценировки по его произведениям охотно ставили московские театры. Песни были забро-

литурном небосклоне после наступления гласности. И теперь, с течением лет, стало ясно, что, может быть, именно песни, написанные Михаилом Анчаровым в пятидесятые и шестидесятые годы, в самом начале его, казалось бы, такой успешной литературной карьеры, одни только и воплотили в полной мере творческий и личностный талант художника, еще не зависевший в то время от железных тисков издательств.

Михаил Анчаров относится к тому выбитому временем поколению последнего военного призыва, что и Булат Окуджава. Он сам сказал об этом в одной из своих

фольклорных, полны воздуха:

*Пыль ложится на висок,
Пуля бьет наискосок,
Молодая жизнь уходит
Черной струйкою в песок.*

Неслучайно некоторые его песни стали безымянными и народными.

Любимый герой песен, повестей и пьес Анчарова, в котором легко угадываются биографические черты автора — пожилой и бивалый человек фронтового поколения. В героя этого, как правило, влюбляется молоденькая девушка, безосмысленно угадывая в нем подлинного мужчину и беря на веру его духовные ценности. Помню, в одной из пьес Анчарова, поставленной Театром имени Ермоловой, герой приводит свою юную подругу в свою бывшую школу на вечер встречи, где объявляют вальс: «Танцуют только выпускники 41 года!». «Почему же никто не танцует?» — удивляется она.

Жаль только, что духовные ценности воспетою Анчаровым поколения сильно обветшали и потускнели в наши дни, да девушки стали умны и недоверчивы!

Михаил Анчаров — художник. Может быть, именно поэтому так живописно и красочно отобразился в его песнях мир детства и юности автора — мир московских предместьев, где во дворах «забывают козла», «белье танцует на ветру весенний танец липси», и звучат, щемя сердце, «мещанские вальсы» в микромире нашего городского обитания. Такой микромир, «малая Родина», есть у каждого настоящего барда. У Окуджавы это Арбат: «Я дворянин арбатского двора, своим двором введенный во дворянство». У Высоцкого — Большой Каретный: «Где твои семнадцать лет? — На Большом Каретном». У Визбора — сретенский двор: «Здравствуй, здравствуй, мой сретенский двор». Малая Родина Михаила Анчарова это Благуша — голодная и воровская окраина тогдашней Москвы, превратившаяся в его песнях в сказочную страну детства: «Только в лунную ночь на Благуше повстречался в снегу красоте». И это неистребимое детское ощущение обязательной потребности в красоте и надежде на счастье, которое должно наступить завтра, сохранившееся на всю жизнь со сладкой поры первого освоения велосипеда («Король велосипеда»), окрасившее даже самые трагические песни Анчарова в светлые тона: «Уходит мирная пехота на вечный поиск живой воды». Эта упрямая надежда, несмотря ни на что, не может оставить равнодушными слушателей этих песен, верящих автору, который:

*Душу продал за бульвар осенний,
За трамвайный гулкий ветерок.
Ой вы, сени, сени мои, сени, —
Тоскливая радость
сердцу поперек.*

Вег, Москва, 1998 - 12 авг. - с. 7

«ПЫЛЬ ЛОЖИТСЯ НА ВИСОК, ПУЛЯ БЬЕТ НАИСКОСОК»

песен: «Мы почти не встречали целых домов — лишь руины встречали и стройки». Свои первые песни под гитару он начал писать еще в конце тридцатых, задолго до «бардов и менестрелей». Именно его надо считать одним из основоположников этого жанра. И в песнях его, по-мужски жестких, подкупающих прямоотой разговора, живет сложная и трагическая послевоенная эпоха, где юношеский романтизм и фанатичная вера рано повзрослевших на войне юнцов сталкиваются с беспощадной повседневностью быта, начисто лишеного романтического камуфляжа: «Мне тысяча лет. Романтика подохла. Кузьма Иваныч пляшет у окна». Тема этого главного противоборства образует доминанту большинства песен Анчарова — «Рынок», «Баллада о относительности возраста», «Азлита» — и достигает высокого драматизма в одной из лучших его песен — «МАЗы». Это полная противоположность той фальши, которая наполнила потом его телесериалы, где автор как бы оторвался от самого себя. Стихи анчаровских песен сочны, насыщены точными деталями: «Словно масляные губы, улыбается еда», «И трупы синие торчат, вцепившись в камыши». И в то же время они

шены. Анчаров полностью ушел в прозу и драматургию. И тут судьба сыграла с ним злую шутку. За первым длинным сериалом телевизионного фильма «День за днем», куда вошла отчасти его биография, и где органично звучали песни, последовал следующий бесконечный телесериал, где были уже «труба пониже и дым пожиже». Герои сценариев Анчарова, вызывавшие раньше полное доверие, начали вдруг производить ходоульные фразы и в псевдонародном стиле воспевать и романтизировать свой коммунальный рай, а сели по кухне превратились в воинствующих резонеров, воплотивших в себе высоты «общественной нравственности» и безапелляционно обучающих смыслу жизни вечно сомневающимся ненадежных интеллигентов. Так безусловный талант художника начал разубоживаться, необратимо разъедаемый вкрадчивой отравой брежневской конъюнктуры. Вспыхнувший на какое-то время интерес к писателю Анчарову утих, и о нем мало-помалу забыли, хотя он продолжал писать и печататься. Несколько лет назад у нас и во Франции вышел его роман «Самшитовый лес».

Прошли годы, сменилась эпоха. Другие имена и герои взойшли на

доме в Лаврушинском переулке, в квартире своей тогдашней жены Джои Афиногеновой, был, как выяснилось, скор на выпивку и драчку, и писал песни, с которыми довольно часто выступал.

Помню, после очередного его успешного концерта в Ленинграде, мы с друзьями провожали его на «Красную стрелу». Концерт кончился рано, было что-то около восьми вечера, и поскольку в провожающей компании было много актеров, решено было зайти в ресторан ВТО, в Дом актера, располагавшийся в Юсуповском дворце на Невском, почти рядом с Московским вокзалом. Это внушало и отъезжавшему, и его провожатым полную уверенность в невозможности

правлялся какой-то пассажирский поезд «Москва—Бутырки», следовавший через Новгород и прибывавший в Москву на Савеловский вокзал где-то к концу суток. Засыпающего на ходу и сразу ставшего грузным и неподъемным Анчарова с трудом водрузили в общий вагон, среди чьих-то бесчисленных мешков и кошелок, кепку его вручили сидевшей напротив бабке с твердым наказом — вручить хозяину только когда он полностью протрезвеет. Проснувшись с больной головой в середине следующего дня где-то в районе Твери, он долго озирался, пытаясь понять, где находится и куда едет. «Где я?» — тоскливо спросил он, и упоминая выше бабка охотно

Теперь, когда прошла мода на пение под гитару на московских кухнях и у таежных костров, когда сам собой умер запретный еще недавно «магнитофониздат», кассеты и диски с песнями Галича, Окуджавы, Высоцкого и Кима лежат на прилавках магазинов, а авторская песня шестидесятых годов во многом стала историей, настало время оглянуться назад и послушать, как по-новому звучат старые песни.

С Михаилом и его песнями я познакомился впервые в 1963 году во время очередной командировки в Москву, когда через знакомых попал на одно из частных в ту пору песенных сборищ в непривычно просторную квартиру потомков Григория Ивановича Петровского, председателя большевистской фракции Государственной думы, в печально известный «Дом на набережной», населенный зловещими тенями убивавших и убиенных.

«Ну где этот ваш мальчик из Ленинграда?», — услышал я голос в передней, и в комнату шагнул плотный, как борец, коротко стриженный черноволосый мужчина с правильными чертами лица и внимательными часто моргающими глазами.

Из всех его песен я знал тогда только приписываемую ему и ставшую уже народной «От Москвы до Шанси», а в этот вечер впервые услышал сразу же полюбившиеся мне «МАЗы», «Органист», «Тихо капает вода — кап, кап» и многие другие. У Анчарова была удивительно обаятельная, ныне уже утраченная, «цыганская» темпераментная манера исполнения. В сочетании с низким, мужественным голосом она придавала особый колорит его песням. Да и гитара в его руках была старинная, инкрустированная, как мне тогда показалось, каким-то серебром и перламутром, чуть не из прошлого века. Мы быстро подружились, и он дал мне прочесть рукопись только что написанной и еще не опубликованной своей повести «Теория невероятности», которую никто тогда не хотел печатать. Первые же ее строки вызвали у меня скептическую реакцию. Повесть начиналась так: «...давно я влюбился. Я совсем юный — мне сорок лет». «Вот старый хрен, — подумал я (мне тогда было неполных тридцать), он еще влюбляется!». Повесть, однако, захватила меня почти так же, как песни. Была в ней какая-то стихийная сила личности яркой, мятежной и нестандартной, не вписывающейся в привычный мне стереотипный уклад. Впрочем, Анчаров только начинал тогда свое литературное поприще, считал себя прежде всего художником, жил в писательском